

С. Ю. Каменский

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КАК ОБЪЕКТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривая археологические памятники как объекты культурного наследия, автор пытается решить проблему определения специфики археологических древностей как духовной, художественной или иной ценности в современном российском социуме, выявления соотношения их потенциальной значимости с фактом их реального восприятия и оценки.

Разделение в названии статьи двух близких понятий, применяющихся к историко-культурным объектам прошлого, не случайно. В исследованиях советского периода очень часто культурное наследие (по крайней мере, его материальная часть) понималось практически как синоним термина «памятник». Как взаимозаменяемые категории рассматриваются «памятник» и «культурное наследие» и в российском законодательстве в сфере культуры [см., в частности: Федеральный закон № 73-ФЗ]. Тем не менее в настоящее время исследователями эти понятия целенаправленно разводятся. Как отмечает, например, Т. М. Миронова, «дефиниция “памятник” прежде всего ориентируется на сохранение памяти, воспоминания; наследие же — это то, что передали нам предки, но передали не просто на сохранение, но для интерпретации и приумножения» [Миронова, 2000, 77].

Продолжая подобные рассуждения, можно заметить, что разделение двух указанных понятий — это вопрос отношения к истории в актуальной культуре. Включение или невключение образцов прошлого в современное пространство — это прежде всего проблема их ценности для актуального поколения. Безусловно, оценка культурного наследия только как ресурса развития не может рассматриваться как основная, поскольку мозаично-пульсирующий характер наследования (неравномерность использования отдельных объектов наследия разными социальными группами в разное время) служит надежным доказательством бессрочной (т. е. абсолютной) ценности всего культурного наследия. Однако вопрос безотносительной значимости памятников прошлого является скорее областью теории, нежели практики. Решение одного из принципиальных вопросов современности, связанного с сохранением культурного наследия, возможно сегодня только на фоне осознания обществом актуальной ценности объектов культуры прошлого.

В связи с этим ценность культурного наследия перспективнее понимать сегодня прежде всего не как характеристику самого объекта, но как факт отношения к нему (ценность как предмет, значимый для субъекта и удовлетворяющий его потребности). Разделяя в рамках данной статьи понятия «наследие» и «памятник», мы подчеркиваем существование двух типов ценности объектов прошлого, условно отделяя значимое и незначимое. Рассматривая археологические памятники как объекты культурного наследия, мы тем самым ставим проблему определения специфики археологических древностей как духовной, художественной или иной

ценности в современном российском социуме, выявления соотношения их потенциальной значимости с фактом их реального восприятия и оценки.

Переходя к определению границ ценности археологических останков в современной культурной среде, необходимо прежде остановиться на определении рассматриваемого объекта. Сегодня в России понятие «археологический памятник» (или «памятник археологии») является скорее единицей научного анализа или учета, нежели категорией культуры. Употребление применительно к материалам археологии термина «наследие», напротив, используется в контексте практик включения артефактов далекого прошлого как ценностей в актуальной культурной среде. В качестве примера (по сути, единственного) здесь можно привести функционирование в рамках 1-го и 2-го Северных археологических конгрессов (г. Ханты-Мансийск, 2002, 2006 гг.) секции «Археологическое наследие в современном культурном процессе». С другой стороны, понятие «наследие» часто употребляется применительно к археологии и в синонимичном к концепции «памятник» смысле. Это имеет место как в законодательной¹, так и научной сфере [см., в частности: Пряхин, 1995].

Используя в рамках данной работы и понятие «памятник», и понятие «наследие», остановимся на уместности обоих определений. Согласно действующему законодательству, под археологическим памятником (объектом археологического наследия) понимается «частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека, включая все движимые предметы, имеющие к ним отношение, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки». Учитывая, что подобная трактовка используется и в рамках археологической науки, можно заметить, что отнесение объекта прошлого к археологическому наследию/памятнику никак не связывается с содержательной стороной самого объекта. Памятники архитектуры, изобразительного искусства, письменности, предметы религиозного культа и др., т. е. абсолютно все артефакты культуры, могут быть рассмотрены как археологическое наследие только по факту своего нахождения в земле или под водой. Фактически в археологическое наследие не может быть включено только так называемое нематериальное культурное наследие. С этой точки зрения можно утверждать абсолютную условность и нежизненность выделения самой археологической группы наследия или памятников, что во многом носит сугубо юридический характер.

Искусственность выделения археологического наследия отражается и на выявлении его потенциальной ценности, значимости в актуальной культурной среде. Речь идет о том, что выделить специфические, присущие только объектам археологии ценностные характеристики практически невозможно. Так, мы можем

¹ Как уже упоминалось выше, «памятник археологии» в российском законодательстве полностью синонимичен «объекту археологического наследия». Та же ситуация наблюдается в международном праве (речь идет о Международной хартии по охране и использованию археологического наследия, одобренной в Лозанне в 1990 г.).

говорить о потенциальной ценности археологического наследия в современной российской и мировой культуре благодаря следующим его характеристикам.

Во-первых, стоит отметить статус древности, присущий практически всем археологическим объектам (за исключением отчасти памятников Новейшего времени). На уровне массовой культуры значительный возраст археологических останков чаще всего вызывает чувство удивления, реже восхищения, а порой и недоверия. Как свидетельствует личный опыт автора в археологических экспедициях на Урале, большинство людей задумывается, когда узнает, что там, где они сейчас живут, человек существует тысячелетия, тот же эффект производит показ находок, имеющих возраст в несколько тысяч лет.

Интересно заметить, что, по мнению А. Ригла, феномен ценности возраста артефактов в своем законченном виде (понятие исторической ценности, традиции существовало и ранее) проявляется не ранее XX в. [см.: Riegl, 1982, 21—51]. В обществе XXI в., нацеленном на инновации, «старинность» сохраняет и даже укрепляет свой магический статус [см., например: Lowenthal, 1985; Shils, 1981]. Характерно, что сегодня отношение к вещам, имеющим солидный возраст, не зависит ни от социальной, ни от профессиональной, ни от какой-либо иной принадлежности индивида: сам факт древности делает любую вещь достойной внимания. В результате можно наблюдать массовое и априорное признание ценности и интересности объектов археологического наследия.

В силу своего возраста памятники археологии оказываются также значимым мировоззренческим символом, поскольку через их восприятие формируется понимание длительности, сложности культурного пути человечества и подлинной многослойности самой культуры. Здесь можно привести слова Ю. М. Лотмана, давшего культурологическое обоснование понятия культурно-исторического наследия как социокультурного феномена. В «Беседах о русской культуре» он подчеркивает, что «культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества» [Лотман, 1994, 8]. В этом смысле археологическое наследие как никакое другое отвечает функции культуры быть, по выражению М. С. Кагана, «ненаследственной памятью человечества» [Каган, 2001, 67], разрушая границы пространственно-временной локализованности человеческого опыта [см.: Каган, 1996, 274].

Однако, признавая возраст и, если можно так выразиться, его многообразие как фактор ценности, мы не можем относить его действие только к памятникам археологии. Аналогичное воздействие будут иметь любые «старинные» вещи, имевшие возможность просуществовать в течение долгого времени, не выпадая из культурной среды, не проходя процесс археологизации. В данном случае не

меньший интерес будут представлять, например, результаты изысканий археографов или этнографов.

Во-вторых, мы можем говорить о потенциальной ценности археологического наследия как возможности для познания обществ и культур, значительно отличающихся от актуальной действительности. Существенный хронологический интервал, отделяющий современность от прошлого, фиксируемого в археологических источниках, как это ни странно, во многом определяет актуальность археологического наследия в современной ситуации.

Это позволяет эффективно использовать культурный потенциал прошлого для рефлексии современной ситуации (крайне востребованной сегодня — в эпоху форсированных, фундаментальных перемен). Археология, по сути, задает крайне результативную для восприятия и отражения ситуацию социокультурной «внеаходимости». Как отмечает Ю. М. Лотман, «культуры, память которых в основном насыщается ими же созданными текстами, чаще всего характеризуются постепенным и замедленным развитием, культуры же, память которых периодически подвергается массивированному насыщению текстами, выработанными в иной традиции, тяготеют к “ускоренному развитию”» [Лотман, 1992, 200—202].

Так, например, специфика современного хронотопа («экстренный» темп современной жизни на фоне уничтожения пространства) может быть воспринята через изучение и сравнение с хронотопом традиционных обществ (именно так может быть классифицировано абсолютное большинство археологических культур, изучаемых исследователями). Учитывая, что современные пространственно-временные «порядки» оказывают во многом негативное воздействие на психику человека, в качестве лечебного, «стабилизирующего» средства могут выступить ощущения «устойчивого времени и пространства» обществ прошлого². Также через отношение людей археологических культур к окружающему их вещному пространству (мир индивидуальных вещей, имеющих историю и одухотворенность) можно понять и специфику воздействия на современного человека индустриального производства вещного мира (массовые «мертвые» вещи без истории и ценности, культ «нового»)³. Ту же ситуацию можно наблюдать и в отношении к природе⁴, самим себе и миру. В лице археологического наследия мы имеем выход на своеобразное поле резко отличающихся от современных ощущений, знаний, ценностей.

Востребованность подобных ощущений иной культурной реальности отражается сегодня в развитии на территории Европы и отчасти в России археологического

² Подобные способы компенсации негативного воздействия современной социокультурной и техногенной среды предлагает использовать, в частности, американский исследователь Э.Тоффлер [2002].

³ Стоит заметить, что в формирующемся постиндустриальном обществе налицо возврат к ценностям ручного индивидуального изделия, когда ярлык *hand-made* становится признаком ценности вещи и вкуса ее обладателя.

⁴ Набирающее вес «зеленое» движение активно апеллирует, в частности, к древним практикам бережного отношения к природе. Об этом же пишут в своих работах и отечественные археологи [см., например: Косарев, 2003].

туризма и археопарков (археодромов), когда посетителям предоставляется возможность лично приобщиться к быту и мировоззрению человека далекого прошлого.

Учитывая значимость опыта общения с археологическими культурами, тем не менее следует подчеркнуть, что уникальной ценности археологическое наследие в этом аспекте также не имеет. Не меньшую ценность для актуальных социумов имеет и взаимодействие с сохранившимися этнографическими обществами (ценности той же традиционной культуры) или знакомство с трудами классических историков. Осмысление древнего прошлого как другой страны (или, точнее, множества стран), другой материальной, духовной, художественной культуры на фоне бурного развития международного и внутреннего туризма также не выглядит как специфическая ценность археологических материалов.

В-третьих, можно говорить об эстетической ценности артефактов прошлого. Археологическое наследие — это культура, представленная в потрясающем многообразии вещных форм, созданных по замыслу миллионов авторов прошлого. Кроме того, стоит отметить факт неразделенности художественной и материально-бытовой сфер как при создании большинства вещей прошлого, так и их современном прочтении (когда мы восхищаемся рукоятями ножей, искусно выполненными каменными орудиями и т. д.), что выражает специфику восприятия артефактов древности. Отмечая востребованность художественных образцов прошлого, подтверждением чему может служить стиль ретро, имеющий большое значение в современном дизайне, тем не менее мы, безусловно, не можем рассматривать эту ценностную характеристику, присущую археологическому наследию, как исключительное явление.

Наконец, мы можем выделять такую характерную черту археологических объектов, как их принадлежность к сфере человеческой повседневности. В археологических коллекциях преобладают вещи, связанные с типовыми проблемами быта и регулярного жизнеобеспечения, имеющие в силу этого непосредственное отношение к нам самим. Безусловно, эта «привязанность» к рядовому зрителю добавляет археологическому наследию актуальности и жизненности, однако и в этом случае мы не можем говорить об отсутствии аналогов, имеющих сходную значимость. В частности, речь идет о «конкуренции» в ценности со стороны материалов этнографии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ценность археологического наследия проявляется не в отдельных, присущих только ему характеристиках. Археологические объекты и история, состоящая из них, с точки зрения познавательного интереса («интеллектуальной вкусности») и когнитивной, эстетической ценности не являются уникальными. В определенном смысле можно утверждать, что ценностное отношение к археологическим источникам лежит в одной плоскости с отношением к «архивной» культуре в целом⁵ и развитием межкультурного

⁵ Здесь можно привести в пример тот факт, что в библиотеках России на протяжении многих лет стоят неразрезанными сочинения российских классиков.

диалога. В связи с этим в данном случае правильнее говорить о специфичности как об индивидуальном пересечении распространенных признаков. Именно сочетание статуса «древности», эстетического многообразия, ситуации значительной культурной инаковости и при этом принадлежности к сфере повседневности определяет характер ценности археологических древностей в современной социокультурной среде.

Представленный выше анализ, носящий скорее теоретический, чем эмпирический характер, безусловно, не дает полной картины ценности археологического наследия. Потенциальное значение памятников культуры объективно должно расходиться с реальным восприятием их значимости. Переходя к дальнейшему изложению материала, отметим также, что сам факт посещения памятников древности, осмотра археологических экспозиций не может рассматриваться как свидетельство ценности. В связи с этим более целесообразно при анализе востребованности остановиться не на практиках использования, популяризации или актуализации наследия, но на самом отношении рядового неспециализированного зрителя к археологическим древностям.

В качестве важнейшего условия формирования ценностного восприятия можно рассматривать знание об объекте и представление субъекта о нем. Учитывая, что элементарное отсутствие информации об археологическом наследии является фактором, блокирующим какое-либо ценностное отношение к нему, отметим, что население, например, Уральского региона крайне слабо отражает факт наличия многочисленных археологических памятников в казалось бы известной им местности⁶. Стоит отметить, что «провалы» в археологическом образовании типичны и для ученой аудитории. Большинство представителей гуманитарных наук, включая и историков, вряд ли сможет назвать и 10 памятников археологии в своем регионе. Археологическое наследие остается *terra incognita*. В качестве объективной причины такой ситуации можно назвать практически полное отсутствие материалов, посвященных археологическим памятникам, в школьных и вузовских учебных программах. В связи с этими обстоятельствами можно рассматривать археологическое просвещение как чрезвычайно актуальный фактор в формировании ценности археологических древностей для неспециализированной аудитории.

Большое значение для ценностного восприятия археологического наследия имеет также сложившийся образ самой археологической науки и фигуры археолога. В массовом сознании российских граждан с археологами связываются совершенно определенные темы: «золото ищите?» и «мамонтов ищите?» — вот два самых распространенных вопроса, задаваемых любому, кто представился археологом. Интересно, что такой миф фигурирует и в отечественных художественных произведениях. Так, например, мысль о том, что археолог — это человек, ищущий мамонтов, фигурирует в повести В. Токаревой «Ехал грека» и звучит затем

⁶ Здесь автор опирается на личный опыт, полученный в ходе археологических экспедиций в ХМАО-Югре и Свердловской области.

в телеспектакле В. Фокина по ее мотивам «Между небом и землей» (1977). Аналогичная ситуация наблюдается и за рубежом. Согласно данным исследования, проведенного в 2002 г. в Канаде, 21 % респондентов с понятием «археология» связывают кости динозавров [см.: Pokotylo, 2002, 88—129], в США по данным исследований 1999 г., 80 % респондентов на вопрос, изучают ли археологи динозавров, ответили утвердительно [см.: Ramos, Duganne, 2000, 31].

Подобные представления, искажая образ самой археологической науки и ее поле деятельности, оказывают в то же время и положительное влияние на уровень значимости всего археологического наследия для рядового зрителя. При общей популярности темы мамонтов археологическая наука фактически присваивает себе интерес культурного посетителя, который по праву должен принадлежать палеонтологам.

Еще одно «искажение», связанное с образом археологии, проистекает из ее ассоциации с процессом раскопок. Как показывают европейские и американские исследования, сам образ археолога связывается в массовом сознании вовсе не с историей и объектами наследия. По данным центра исследования SAA (Американского общества археологии) абсолютное большинство респондентов связывают слово археология со словом «копать» в разных формах (59 %) [Ibid, 25]. Эта ассоциация находилась на первом месте и по данным других исследований, проведенных в Канаде, Швеции, США. В России аналогичные опросы не проводились, но вполне можно предположить, что их результат будет таким же или похожим.

Тема раскопок плотно сочетается также с мотивом поиска кладов, который оказывает существенное влияние на образ археологической науки в массовом сознании. Концепция клада, являющаяся значимым культурным архетипом, имеющим интернациональный характер, оказывает мощное мотивационное воздействие на отношение ко всей сфере археологического наследия.

Клад как сочетание тайны, ценности (понимаемой не только материально), опасности формирует отчасти и образ самого кладоискателя, чему мы имеем явное подтверждение в виде материалов социологических исследований. По данным К. Холторфа, в Европе работа археолога⁷ прочно связывается в общественном сознании с тремя основными идеями:

- авантюризм и приключения;
- детективный поиск;
- сенсационные (значимые) открытия [см.: Holtorf, electronic resource].

Здесь также можно привести определение археологии из широко известной на Западе книги К. Керрама «Боги, гробницы, ученые» как науки, в которой «переплелись приключения и трудолюбие, романтические открытия и духовное самоотречение... которая не ограничена ни рамками той или иной эпохи, ни рамками

⁷ На наш взгляд, для российской аудитории при наличии соответствующего исследования мы получили бы аналогичный образ археолога и археологии.

той или иной страны... Вряд ли на свете существуют приключения более захватывающие» [Керрам, 1994, 5—6].

Таким образом, археологическая наука и результаты ее деятельности плотно связаны с такими значимыми для человека мифологемами, как тайна, опасная дорога/поиск, клад/сокровище⁸. С этой точки зрения археологическое наследие значительно выделяется на фоне всей исторической науки и ее создателей. Тогда как работа историка скорее ассоциируется с «бумажками» и кабинетом (подтверждением служит известное выражение «архивная крыса»), археология скорее воспринимается как полная романтизма деятельность полевого исследователя (если история — это даты, то археология — это клады). Несмотря на то, что «сокровища» и значительные ценности можно обнаружить с равной степенью вероятности и в археологических, и в архивных изысканиях, на уровне массового сознания приоритет явно отдается первой сфере.

Тем не менее остается открытым вопрос, является ли наличие значительной познавательной мотивации к археологическим исследованиям фактором ценности самого археологического наследия. Для многих археология — это скорее эффективная форма знакомства с прошлым, зачастую полностью вытесняющая содержание этого процесса. Во многом интерес к археологии носит сугубо гедонистический характер, что находит свое отражение в типовом, знакомом каждому археологу вопросе: что-нибудь интересное находили? Далекое прошлое интересует массовое сознание во многом только как «занимательное» и «любопытное». Археология оказывается вполне подходящим продуктом для удовлетворения нашего интереса к тайнам, загадкам и сенсациям.

К факторам, способствующим превращению археологического памятника в наследие, можно также отнести ситуацию абсолютной оторванности археологического прошлого от современных социумов. Так, например, на основе уральского материала можно говорить о невозможности определения этнической принадлежности памятников ранее 1—2 тыс. до н. э. Кроме того, этнические «привязки» объектов более поздних эпох (вплоть до начала 2 тыс. н. э.) часто условны и вариативны. Это связано со спецификой источника, представляющего нам прошлое исключительно в вещах. К сожалению, проблемы соотношения типологических рядов предметов материальной и духовной культуры с социокультурными группами (важнейшая типологическая единица археологии археологическая культура — это, по сути, типологическое единство вещного материала) до сих пор остаются нерешенными. В результате археологи в большинстве случаев не могут привязать исследуемые ими объекты к какой-либо современной этнической группе

⁸ Можно отметить, что один из проектов, преследующих цель использования археологического наследия в рамках туристских программ на Урале (представленный на конкурсе губернатора Свердловской области среди студентов вузов, обучающихся по специальности «Социально-культурный сервис и туризм» в 2007 г.), также использовал идею поиска. Концепция археологического тура базировалась на движении гео-кешинга («поиск сокровищ» с применением достижений технического прогресса в области спутниковой GPS-навигации).

(ситуацию осложняют также многочисленные процессы миграций и социокультурных ассимиляций, имевших место в древности).

Все это позволяет классифицировать археологическое наследие как «архивное», «вырванное» из контекста истории актуальных социумов и культур. Таким образом, любая актуализация, оживление и включение археологического наследия в современную среду будут иметь привкус искусственности и симуляции. В связи с этим можно заметить, что сегодня большинство клубов исторической реконструкции, активно включающих археологическое наследие в актуальные практики, не выходит за рамки конца 1—2 тысячелетий н. э. (от Киевской Руси и Средневековья до XX в.). Остальные эпохи остаются за гранью их внимания во многом из-за отсутствия понимания этнической, смысловой и ценностной связи памятников более ранних эпох с современной ситуацией (возрождение традиций Киевской Руси или даже моделирование вооружения викингов в сравнении с восстановлением быта, например, козловской культуры выглядит значительно более понятным, осмысленным и ценностно значимым).

Таким образом, прошлое, представленное в археологических источниках, оказывается одновременно объектом, имеющим потенциальную и реальную ценность для актуальных социумов, но при этом не имеющим для них уникального смыслового значения. В связи с этим мы уже не можем называть археологические древности памятниками, но и определять их термином наследия также пока невозможно. В то же время можно утверждать, что интерес к объектам археологии, даже построенный на их восприятии в стилистике жанра приключений, может выступить в качестве основы для их популяризации, освоения, а вследствие этого и сохранения.

Каган М.С. И вновь о сущности человека // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира: Сб. ст. Вып. 1 / Под ред. Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. СПб., 2001.

Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.

Керрам К. Боги, гробницы, ученые. СПб., 1994.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: По сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избр. ст. Т. 1. Таллин, 1992.

Миронова, Т. Г. Сохранение природного и культурного наследия как императив культурной политики постиндустриального общества: Дис. ... канд. культурол. наук. М., 2000.

Пряхин А. Д. Археология и археологическое наследие. Воронеж, 1995.

Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. М., 2002.

Федеральный закон от 25.06.2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Holtorf C. Monumental Past: The Life-histories of Megalithic Monuments in Mecklenburg-Vorpommern (Germany). Electronic monograph. University of Toronto (2000—2007) [Electronic resource]. [Http://hdl.handle.net/1807/245](http://hdl.handle.net/1807/245).

Lowenthal D. The Past is a Foreign Country. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Pokotylo D. Public Opinion and Canadian Archaeological Heritage: A National Perspective // Canadian J. of Archaeology. 2002. 26.

Ramos M., Duganne D. Exploring Public Perceptions and Attitudes about Archaeology. Report by HarrisInteractive on behalf of the Society for American Archaeology, 2000 [Electronic resource]. [Http://www.saa.org/pubedu/nrptdraft4.pdf](http://www.saa.org/pubedu/nrptdraft4.pdf) (accessed 28 September, 2004).

Riegl A. The Modern Cult of Monuments: Its Character and Its Origin [1903] / trans. by K. W. Foster and D. Ghirardo in *Monument/Memory and the Mortality of Architecture*. *Oppositions* 25, 1982.

Shils E. *Tradition*. London: Faber and Faber, 1981.

Статья поступила в редакцию 13.11.2007 г.

В. Н. Попова, Л. А. Шумихина

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОРМ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ: ИГРОВОЙ АСПЕКТ

В статье анализируется динамика форм праздничной культуры, обосновывается связь этой динамики со сменой объекта сакрализации праздника и изменением его символики в игровом аспекте.

Являясь одним из наиболее устойчивых компонентов культуры, праздник чрезвычайно чувствителен к происходящим в обществе изменениям, в соответствии с которыми меняются формы означивания ценностей культуры социума и их репрезентация. Как пишет А. Новиков, праздник позволяет «сканировать состояние общества или, во всяком случае, культурного режима» [Новиков, 2000, 212].

Нередко при интерпретации праздника как феномена культуры одним из основных посылов является то, что праздник — это противоположность обыденности. Советские праздники были действительно событием исключительным. Так, празднование годовщины Октябрьской революции (главный государственный праздник СССР) было сакральным по своей сути событием, связывающим советского человека с «осевым временем», точкой отсчета новой эры, а потому празднование проводилось с большим размахом и предварялось длительным периодом тщательной подготовки. В последнее десятилетие XX в., в связи с распадом СССР, в России произошли кардинальные изменения в идеологической, политической, экономической и социально-культурной сферах. Как следствие — потребовались новые праздники, новые точки отсчета, поскольку события, к которым отсылали советские праздники, потеряли былую значимость в обществе.

В известном смысле праздничный календарь — это кристаллическая решетка, скрепляющая общество, расставляющая акценты в истории и общественном сознании. Эпохе слома любых традиций свойствен идеологический вакуум, который и возник в России после 1991 г. Началась переоценка исторических событий,